

— Хорошо; садись покуда тжечь. Вот девочка села за кросна (стан для тканья), а баба-яга вышла и говорит своей работнице:

— Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

Девочка сидит ни жива, ни мертва, вся перевугланая, и просит она работницу:

— Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи. — и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает:

— Тжешь ли, племяннушка, тжешь ли, милая?

— Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-яга и отошла, а девочка дала когу ветчинки и спрашивает:

— Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

— Вот тебе гребешок и полотенце, — говорит кот, — возьми их и убежи; за тобою будет гнаться баба-яга, ты приклони ухо к земле и как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сделается широкая-широкая река: если ж баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и как услышишь, что она близко, брось гребешок — сделается дремучий-дремучий лес; сквозь него она уже не пройдет.

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать — она бросила им хлеба, и они ее пропустили; ворота хотели захопнуться — она подлила им под пяточки масла, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А кот сел за кросна и ткет: не столько наткал, сколько напутал.

Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

— Тжешь ли, племяннушка, тжешь ли, милая?

— Тку, тетка, тку, милая! — отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить kota и ругать, зачем не выдарапал девочке глаза.

— Я тебе сколько служу, — говорит кот, — ты мне косточки не дала, а она мне вечинки дала.

Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на берез-

ку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

— Мы тебе сколько служим, ты нам горячей-карошки не бросила, а она нам хлеба дала.

Ворота говорят:

— Мы тебе сколько служим; ты нам водицы похвоточки не подлила, а она нам масла подлила.

Березка говорит:

— Я тебе сколько служу, ты меня ленточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

— Я тебе сколько служу, ты мне трипочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след заметает и пустилась в погоню за девочкой.

Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце; сделалась река такая широкая-широкая!

Баба-яга приехала к реке и от злости зубами закрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дониста.

Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес такой дремучий да страшный!

Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:

— Где же моя дочка?

— Она пошла к тетушке, — говорит мачеха. Немного погодя и девочка прибежала домой.

— Где ты была? — спрашивает отец.

— Ах, багюшка! — говорит она. — Так и так — меня матушка послала к тетке попросить иглоочку с ниточкой — мне рубашку шить, а тетка, баба-яга, меня свесть хотела.

— Как же ты ушла, девочка?

Так и так — рассказывает девочка.

Дед, как узнал все это, рассердился на жену и расстрелил ее; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать. И я там был, мед-пиво пил: по усам текло, в рот не попало.